

18+

ЕЛЕНА ВРАСЕНЦЕВА

Дорогая редакция

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СКАЗКА

Елена Врасенцева

**Дорогая редакция.
Постмодернистская сказка**

«Издательские решения»

Врасенцева Е.

Дорогая редакция. Постмодернистская сказка / Е. Врасенцева — «Издательские решения»,

Надежда Крайнова — её имя становится последней надеждой для тонущего медиа-проекта. Издательский дом поручает робкой провинциалке невыполнимую миссию: спасти репутацию, завершив работу, начатую исчезнувшей скандальной знаменитостью. Но что скрывается за образом наивной девушки? Пока все вокруг играют свои роли, она ведёт собственную игру, где на кону стоит гораздо больше, чем просто статья. Это рассказ-лабиринт, в котором ирония скрывает опасные тайны, а каждая деталь может оказаться уликой.

© Врасенцева Е.

© Издательские решения

Содержание

Дорогая редакция	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дорогая редакция Постмодернистская сказка

Елена Врасенцева

Иллюстрации <https://shedevrum.ai>

Иллюстратор Елена Врасенцева

© Елена Врасенцева, 2026

© Елена Врасенцева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-1919-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогая редакция

*«Все персонажи и события
в этом произведении являются
вымышленными, любые совпадения
с реальными людьми, живыми
или умершими, случайны».*

После окончания обучения в нашем местном педагогическом вузе и получения диплома журналиста я в течение полугода искала себе работу по специальности. Оказалось, что наличие диплома не является исчерпывающим условием для приема на работу молодого специалиста. Необходимы были: опыт работы от пяти лет, наличие детей старшего школьного возраста, долгосрочная ипотека и прочие недостатки среднего возраста современной российской женщины, живущей в провинции, не имеющей мужа, нуждающейся в постоянной и малооплачиваемой работе и не способной постоять за себя в случае конфликта с руководством.

Ко всему этому должны были, простите, присовокупляться: грамотная устная и письменная речь, располагающей внешний вид, отсутствие моральных и материальных запросов, умение выстраивать рабочие отношения с коллегами, высокая работоспособность и такое, на первый взгляд, не очень важное категориальное качество в профессиональной деятельности журналиста, но врожденное, а, следовательно, необходимое — мужской пол.

Ничего из вышеперечисленного у меня не было изначально. Я — молодая девушка, среднего роста и среднего веса, серые глаза, темно-русые волосы, — в общем, ничем не привлекательное фото в ничем не привлекательном резюме.

Все эти полгода мама, приходя вечером с работы, вздыхала и смотрела на меня таким жалостливым взглядом, что мне хотелось растаять в маленькую кровянистую лужицу, такую, которая остаётся после размороженной тушки курицы в раковине на кухне. Папа следил за мной с траурной фотографии на стене в комнате, строго и с укоризной, пробуждая во мне новое для меня желание — смыться вместе с журчащей водой в унитазе и никогда больше не появляться на глаза своим родителям.

Моя взрослая жизнь, как и полагается, началась с испытаний на упорство и мужество. Я упорно отказывалась от предложений работы не по специальности, исходивших от мамы и её многочисленных друзей, и мужественно терпела отказы от потенциальных работодателей, круг которых был сильно ограничен. В нашем провинциальном городке было две редакции и пять рекламных агентств. А у мамы в друзьях ходило полгорода. Мама работала парикмахером. А я не работала никем. Я даже не соглашалась на подработку с соседкой Гульнаррой в её клининговом товариществе.

«Нужно было выбирать профессию не по наследству, а по наживе, ибо не до жиру...»

Мама моя — очень практичный человек, а папа был романтиком и борцом за справедливость. Он мечтал сделать мир добрее и поэтому умер от инфаркта: сердце не выдержало ежедневной борьбы с суровой реальностью. Такова работа настоящего журналиста.

Я думала, что меня ждёт тоже самое: смелые журналистские расследования, разоблачения и сенсации, слава и профессиональный триумф. Но я была никем.

И чтобы не выглядеть ещё более никчёмной на фоне былой славы моего отца, я сменила его фамилию на фамилию матери.

За полгода взрослой жизни я превратилась в эскаписта, прячущегося в совмещенном туалете, — не знаю от кого больше: от фотокарточки отца, воспоминания о котором заполнили все мои мысли, или от маминых друзей, регулярно заполнявших всё пространство однокомнатной квартиры.

Предложение о работе поступило совершенно неожиданно. Письмо пришло на электронную почту. Я не особо вчитывалась в содержание, увидев ключевые слова в тексте: «работа в редакции, приходите, будем рады, дата, время, адрес», и, поняв, что до интервьюирования осталось всего-навсего тридцать минут, наспех собралась и побежала по указанному адресу.

Придя на место, я немного растерялась, но только немного. Желание получить работу согласно своей квалификации было настолько сильным, что я не стала обращать внимание на такие мелочи, как отсутствие вывески на здании редакции, стоящем особняком, а также наличие рольставней на всех окнах всех этажей. Проходя по пустым коридорам (настолько пустым, что каждый мой шаг в берцах разлетался эхом по всему трёхэтажному нутру и возвращался ко мне вновь) я не заметила ни одного человека, ни одной открытой двери, даже намёка на пусть примитивную, но всё же жизнь.

Новейший, дорогуший, качественный ремонт, а после — профессиональная уборка. Мне стало неуютно по двум причинам: мой внешний вид резко контрастировал с интерьером издательства, и моё внутреннее чутьё вдруг заговорило в полный голос. Я продолжала движение вверх по кованной лестнице с балясинами в форме «финтифлюшек» и мраморными ступенями, поддерживаемая одной единственной мыслью: *«попытка — не пытка»* — и пониманием, что я здесь не одна: кто-то же мне открыл входную дверь.

Мне нужно было подняться на третий этаж. Там располагался конференц-зал, и там, согласно приглашению, меня должен был ждать уполномоченный сотрудник редакции. Конференц-зал занимал всю площадь третьего этажа. Он начинался сразу же после лестничного холла, отгороженный от него огромным витражом с матовым стеклом и такими же дверьми. При всей своей массивности двери пошли легко, открылись от незначительного моего нажатия на стильную, белого металла ручку.

Я вошла и оказалась в просторном помещении, освещенном по периметру потолка световой линией. Свет был мягким, приглушенным, отчего центральная часть зала была погружена в полумрак. Но света было достаточно, чтобы рассмотреть расстановку кресел и сориентироваться среди них, пройти вглубь и поискать того, кто меня здесь ждёт. Мысль, что можно громко поздороваться и тем самым заявить о своём присутствии, мне не пришла в голову. Вернее, пришла, но я отмела её, как бескультурную.

Я прошла чуть внутрь и поискала глазами проход между рядами стульев — в середине или вдоль стен, как это обычно бывает. Но когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидела, что стулья стоят хаотично, хотя в их расстановке наблюдалась попытка выставить их строго по линиям. Я стала пробираться сквозь местами упорядоченный хаос к белому прямоугольнику экрана, висевшему на противоположной от входа стене, надеясь, что там, возможно, около сцены есть тот, кто меня ждёт.

И тут меня осенила страшная мысль: *а что если я перепутала даты? Может меня пригласили задолго заранее и встреча назначена на другое число или даже на другой месяц? Может, они ещё и не начали работать, поэтому здесь нет ни одной живой души.*

Стоп! Но кто-то же мне открыл дверь?

И тут меня пронзила жуткая догадка: *кто этот человек?!*

Я стояла в самом центре помещения, в окружении беспорядка из офисных стульев, с которых ещё даже не сняли плёночную упаковку, и с одной стороны на меня давила подсвеченная белизна экрана, с другой — замутнённые стекла витражной перегородки. И тишина. Сердце замерло, прислушиваясь вместе со мной к этой гробовой тишине. Я застыла на выдохе и, не решаясь на глубокий вдох, маленькими порциями принимала в себя воздух. Откуда-то потянуло каким-то ароматом, сладковато-фруктовым, как у детской косметической помадки.

Дура! Это же мои блески для губ. Корейские.

Обругав себя, я немного успокоилась. Мне даже на секунду стало смешно над собой. И обидно! Какого ляда я здесь делаю? Никого в этом конференц-зале нет. Я достала телефон

и открыла в почте письмо с приглашением, чтобы внимательно ещё раз его прочитать и разобраться, где чей косяк. Косяк был мой! Интервью было назначено на 18 февраля, а не на 13. На среду, а не на пятницу.

Конечно, в пятницу в 17.00 никто никому не нужен, рабочий день закончился и все разошлись по домам. А дверь мне открыл обычный охранник, он, скорее всего, подумал, что это кто-то что-то забыл и за этим вернулся.

Я включила фонарик на телефоне, поводила им вокруг себя, на всякий случай, чтобы уж наверняка. Но слабенький лучик от фонаря только создавал дополнительные тени, от которых помещение стало ещё больше и ещё темнее, освещая лишь маленький пяточок, на котором стояла я.

Нужно было уходить, ведь не обязательно охранник будет дежурить в здании всю ночь. Он может «поставить» его на охрану и уйти. *И я окажусь здесь взаперти до понедельника, или ещё чего доброго, сработает сигнализация, придет полиция и меня заберут в отделение.*

Вообразив самый неприятнейший исход моего блуждания по пустынному офисному зданию, я, громыхая стульями, рьяно устремила к выходу. Проскочив стеклянную дверь и с разбегу вылетев на лестничный пролёт, я между вторым и третьи этажами лоб в лоб столкнулась с неизвестным мне мужчиной. От неожиданности я отшатнулась и плюхнулась на ступеньку, уставившись снизу-вверх на неожиданную выросшую преграду, мысленно догоняя, что копчиком слегка приложила об ребро ступени.

Мужчина протянул мне руку и помог встать, при этом на его лице не отразилось никаких эмоций.

— Крайнова Надежда?

— Да?

— Где вы ходите? Почему я должен сначала ждать, а потом искать?

— Ой... — моему удивлению не было предела. Из меня слова не вытянешь и при более благоприятных обстоятельствах. Сейчас же я и вовсе потерялась, и потеряла способность к членораздельному выражению своих мыслей с использованием всех частей родной речи, кроме междометий.

— Идёмте за мной.

Он резко развернулся и стал спускаться вниз. Я последовала за ним. Копчик напоминал мне при каждом шаге о своем травмирующем недалёком прошлом. Мы спустились на первый этаж и, пройдя через стеклянную дверь витражной перегородки, похожую на ту, что на третьем этаже, но только с прозрачными и начищенными до невидимости стеклами. Мы оказались в широком коридоре, освещённом потолочными светильниками квадратной формы, расположенными в шахматном порядке и горевшими через один.

Когда я только вошла в здание, я обратила внимание на эту часть первого и второго этажа, даже постояла на каждом, позаглядывала через стеклянную стену и в камеры видеонаблюдения, надеясь привлечь к себе внимание. Но, видимо, камеры не работали.

Странно всё это.

Наконец-то я себе в этом призналась!

Мы прошли до конца весь коридор и остановились у самой крайней двери, справа от металлической с зарешеченной вставкой двери, над которой горела светодиодная табличка «ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД». Эта дверь плохо гармонировала с общим элитным дизайном помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.